

A romantic illustration of an angel and a knight. The angel, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a white, off-the-shoulder dress with gold trim. She has large, vibrant red wings. The knight, on the right, is wearing ornate blue and gold armor and is looking down at the angel. They are standing close together, almost touching. The background is a soft, warm glow.

Сергей Патрушев

**Демон и Ангел -
Алые крылья**

Сергей Патрушев

Демон и Ангел - Алые крылья

«Автор»

2026

Патрушев С.

Демон и Ангел - Алые крылья / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он — изгнанный Князь Ада, отказавшийся убивать невинных. Она — хранительница Эдема, созданная для послушания. Их встреча не должна была случиться, но когда клинок Кайрона бессильно замирает у горла Серафины, оба понимают: между ними вспыхнуло нечто невозможное. Война Рая и Ада разгорается с новой силой. За их спинами — гнев архангелов и ярость Люцифера. Впереди — только бездна. Чтобы выжить, им придётся предать свои миры и сделать шаг, который изменит само мироздание. Свобода стоит дорого и теперь, когда её крылья вспыхивают алым, а его шрамы начинают светиться, они узнают: любовь между демоном и ангелом — не просто запрет. Это оружие, способное либо спасти всё сущее, либо уничтожить его до основания.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Пепел Эдема	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Демон и Ангел - Алые крылья

Глава 1: Пепел Эдема

Небеса горели, и это зрелище, которое не могло привидеться даже в самых страшных кошмарах ни одному смертному существу, было одновременно ужасающим и прекрасным в своей абсолютной, всепоглощающей катастрофичности. Это не было похоже на обычный пожар, который можно было бы потушить водой или залить песком, и это не было адское пламя в том смысле, в каком его привыкли понимать обитатели преисподней, ибо то пламя, которое сейчас пожирало райские чертоги, было порождено не стихией, а самой сущностью разрушения, той фундаментальной силой, которая существовала задолго до сотворения миров и которая теперь, вырвавшись на свободу, пожирала все, к чему прикасалась, с ненасытностью голодного зверя, дорвавшегося до forbiddenной плоти.

Там, где ещё несколько мгновений назад, отсчитываемых по небесному времени, струились потоки чистейшего золотого света, такого яркого и насыщенного, что смертный глаз не выдержал бы и секунды созерцания этой красоты, теперь клубился удушливый, пропитанный серой и гарью дым, который поднимался к самым небесным сводам, застилая их плотной пеленой отчаяния. Мраморные колоннады, возведенные из слез святых и дыхания серафимов, те самые колоннады, которые стояли здесь с момента основания Рая и которые, казалось, были столь же вечны, как и сам Создатель, рушились одна за другой, обращаясь в черную, оплавленную породу, которая с грохотом осыпалась вниз, погребая под собой как защитников, так и нападающих, не делая различий между праведниками и грешниками. Врата Рая, те самые сияющие врата, выкованные из перламутра и вечного сияния, врата, через которые за всю историю мироздания не прошел ни один недостойный, более не существовали как таковые, ибо на их месте зияла теперь рваная, кровоточащая тьмой дыра, сквозь которую в Царство Божье вливалась бесконечная, ревущая, неудержимая река Легиона, состоящая из миллионов демонических тел, жаждущих крови, разрушения и окончательного низвержения всего, что было свято.

Кайрон стоял на самом краю этой бурлящей, клопочущей реки, позволяя потоку тел, брони и клинков обтекать его со всех сторон, словно он был скалой, вросшей в русло бурного потока, и в этом было нечто символическое, ибо он действительно ощущал себя нескрушимым монолитом, неким острием копья, которое должно было пронзить самое сердце Рая. Вокруг царил такой хаос, такое столпотворение звуков, запахов и движений, что любое другое существо, менее привычное к ужасам войны, давно потеряло бы ориентацию и пало бы жертвой собственной растерянности, но для Кайрона этот хаос был симфонией, музыкой, которую он слышал с самого момента своего появления на свет, и каждая нота этой музыки находила отклик в самых темных глубинах его демонической души. Визг рвущегося металла, который раздирал барабанные перепонки и заставлял содрогаться даже самых стойких воинов, был для него слаще самых изысканных мелодий, а хруст костей, которые он с презрением называл "небесным фарфором", звучал в его ушах как хруст свежеевыпавшего снега под ногами путника, идущего по зимнему лесу. Низкий, утробный гул боевых рогов, который сотрясал саму твердь под ногами и заставлял вибрировать каждый атом воздуха, был для него биением сердца самой войны, того самого сердца, которое сейчас билось в унисон с его собственным.

Воздух, который ещё недавно был наполнен благовониями и тем неземным покоем, который невозможно описать словами, но который ощущался каждой клеточкой существа как нечто абсолютно правильное и гармоничное, теперь был густым от запаха озона, свежей крови и раскаленного железа, и этот запах, тяжелый, маслянистый, проникающий в самые легкие и оседающий там, был для Кайрона лучшим из возможных ароматов. Ему это нравилось, и нравилось настолько, что он позволил себе на мгновение закрыть глаза и вдохнуть полной грудью, впитывая этот запах, как губка впитывает воду, ибо этот запах был запахом победы, запахом низвержения старого порядка, запахом того самого апокалипсиса, которого он ждал всю свою жизнь. Его ноздри хищно раздувались, впитывая аромат умирающей святости с тем же наслаждением, с каким гурман вдыхает аромат изысканного блюда, приготовленного специально для него, и в этом наслаждении было нечто почти чувственное, нечто такое, что заставляло его демоническую природу трепетать от предвкушения.

Он был молод, по меркам своего вида, ибо демоны живут не просто веками или тысячами, а целыми эпохами, которые сменяют друг друга, как времена года, но даже эта относительная молодость не мешала ему быть одним из самых многообещающих военачальников в армии вторжения, ибо амбиции его были стары, как сама преисподняя, и корнями своими уходили в те времена, когда ещё не существовало ни неба, ни земли, ни даже самого понятия о добре и зле. Беспощадный, словно вспышка черной молнии, которая рассекает ночное небо и исчезает прежде, чем гром успевает прозвучать, он рвался вперед с такой скоростью и такой яростью, что защитники Рая, эти сияющие воины, которые веками не знали поражений, падали перед ним, как скошенная трава, не успевая даже осознать, что их настигло.

Его путь, тот самый путь, который он прокладывал через ряды ангельского воинства, был усеян телами в сияющих доспехах, которые ещё недавно сверкали так ярко, что могли соперничать с самим солнцем, а теперь лежали на земле, погасшие и безжизненные, словно осколки разбитых звезд, упавших с небес. Их свет гаснул почти мгновенно, едва его клинок, этот осколок чистой ненависти, выкованный в горниле проклятой звезды, той самой звезды, которая была уничтожена в наказание за непокорность, касался их плоти, и в этом угасании было нечто глубоко символическое, ибо оно означало, что даже самые светлые существа не могут устоять перед силой, порожденной абсолютным отрицанием. Оружие в его руках пело, оно буквально вибрировало от наслаждения, оно жаждало, оно требовало новых и новых жертв, и Кайрон был лишь его продолжением, точкой приложения его разрушительной воли, инструментом, посредством которого эта воля находила свой путь в мир.

Вокруг кипела битва, масштаб которой не могло вместить ни одно смертное сознание, ибо то, что происходило сейчас на просторах Рая, было не просто сражением, не просто войной, а столкновением двух фундаментальных сил мироздания, двух начал, которые с самого момента сотворения мира находились в состоянии непримиримой вражды. Армии демонов, ведомые древними герцогами Ада, теми самыми существами, чьи имена произносились шепотом даже в самых темных уголках преисподней, схлестнулись с последними оплотами ангельского воинства, с теми, кто остался верен своему долгу до самого конца, и это столкновение было подобно встрече двух океанов, двух стихий, которые не могли существовать вместе, но и не могли существовать друг без друга. Архангелы, чьи лики были подобны взрывающимся солнцам и чье присутствие само по себе было вызовом для любого, кто осмеливался поднять на них взгляд, сходились в поединках с Повелителями Бездны, и от их ударов трескались небесные сферы, те самые сферы, которые удерживали равновесие всего мироздания. Хоры ангелов, те самые хоры, которые некогда пели хвалу Создателю, наполняя небеса божественной гармонией, теперь выкрикивали боевые заклинания, сплетая из света щиты и копья, и их голоса,

некогда прекрасные, теперь были искажены яростью и отчаянием. Легион отвечал им ревом, проклятиями и черным пламенем, которое жадно лизало свет, стремясь поглотить его, впитать в себя, обратить в ничто.

Но взгляд Кайрона, его острый, хищный взгляд, который не упускал ни одной детали, был прикован не к величественным поединкам титанов, которые сотрясали сами основы мироздания, и не к массовым столкновениям, в которых решалась судьба целых легионов. Его интересовала цель иного рода, цель, которую он поставил перед собой ещё до начала вторжения, цель, о которой он не говорил никому, ибо знал, что даже среди демонов найдутся те, кто сочтет его план безумием. Он пробивался сквозь строй, не отвлекаясь на сбор трофеев, которые обильно усеивали поле битвы, не обращая внимания на раненых, которые молили о пощаде, и не позволяя себе даже на мгновение остановиться, чтобы насладиться видом поверженного врага. Его задача была проста и оттого ещё более дерзка, ибо в своей простоте она была абсолютна: Небесный сад. Сердце Эдема. То самое место, где произрастало то, что питало саму жизнь во всех её проявлениях, от крошечной травинки до величайших архангелов, — Древо Жизни. Уничтожить его значило не просто выиграть битву, какой бы грандиозной она ни была, и не просто одержать победу в войне, какой бы затяжной она ни казалась. Уничтожить его значило лишить Творение самого источника его существования, перерезать ту самую пуповину, которая связывала все живое с его Создателем, и тем самым нанести удар, от которого невозможно будет оправиться.

Он презрительно усмехнулся, вспоминая разговоры, которые велись в кулуарах Ада перед началом вторжения, те самые разговоры, в которых участвовали древнейшие демоны, помнившие ещё первые дни творения. Многие из них, те, кто считал себя мудрецами и стратегами, утверждали, что Древо Жизни защищено само по себе, что его охраняет нечто более могущественное, чем любой меч или любая магия, некая сила, которая не поддается ни определению, ни уничтожению. Они говорили о том, что Древо существует вне времени и пространства, что оно является не просто растением, а неким метафизическим принципом, и что любая попытка уничтожить его обречена на провал. Чушь. Все это была чушь, порожденная страхом и непониманием. Кайрон не верил в сказки, которыми пугали молодых демонов, не верил в непобедимые силы и незыблемые принципы. Он верил в сталь, которая не знает пощады, в ярость, которая не знает усталости, и в неизбежность конца, который рано или поздно настигает все сущее. И сейчас, когда он пробивался через ряды защитников Рая, он был этим концом, он был той самой неизбежностью, от которой невозможно было укрыться.

Оставив позади главное побоище, которое продолжало бушевать с неослабевающей силой, он углубился в лабиринт некогда прекрасных аллей, которые вели к центру Небесного сада, и здесь, вдали от эпицентра прорыва, ещё сохранялось эхо былого величия, но и оно умирало, увядало, рассыпалось в прах под его ногами. Цветы, чей аромат, по слухам, мог исцелять души и возвращать надежду даже самым отчаявшимся, поникли и почернели, словно от прикосновения чумы, и их лепестки, некогда яркие и сочные, теперь осыпались на землю, превращаясь в серую, безжизненную пыль. Фонтаны, бывшие не водой, а чистой эссенцией мироздания, той самой эссенцией, которая питала все живое и поддерживала гармонию во всех уголках творения, пересохли, их мраморные чаши покрылись трещинами, из которых сочилась какая-то темная, маслянистая жидкость, похожая на слезы умирающей земли. Земля, некогда мягкая и плодородная, та самая земля, на которой произрастали растения, чьи плоды давали вечную жизнь, под копытами и сапогами захватчиков превращалась в холодный, безжизненный камень, который не мог дать жизнь даже самому неприхотливому сорняку. Кайрон шел, и сам воздух вокруг него умирал, терял свою животворную силу, становился тяжелым и спертым,

словно в склепе, и это было то самое чувство, которое он испытывал всю свою жизнь, чувство, что мир задыхается, что вселенная сужается до размеров гроба, и что единственный способ вырваться из этого гроба — это уничтожить его.

Наконец, пройдя через арку из переплетенных ветвей, которые некогда были усыпаны цветами, а теперь напоминали скрюченные пальцы мертвеца, тянущиеся к небу в немой мольбе, он ступил в самое сердце Сада, в то самое место, о котором слагали легенды и которое, как он теперь видел собственными глазами, было совсем не таким, каким его описывали. И на мгновение, всего лишь на одно короткое мгновение, которое, однако, показалось ему вечно-стью, он остановился, не в силах осмыслить то, что предстало перед его взором. Остановился не от благоговения, которого он никогда не испытывал и испытывать не собирался, но от удивления, от неожиданности, от того самого чувства, когда реальность расходится с ожиданиями, и это расхождение настолько велико, что разум на мгновение отказывается принимать увиденное. Древо Жизни, то самое Древо, о котором слагали легенды, которое описывали как нечто грандиозное, уходящее корнями в самые глубины мироздания, а кроной — в бесконечность, не было гигантским монолитом, поражающим воображение своими размерами. Оно было... небольшим. В высоту не более трех метров, с гладким стволом, который, казалось, был вырезан из цельного куска опала, того самого драгоценного камня, который, по поверьям, содержал в себе частицу божественного света. От ствола исходило мягкое, ровное свечение, которое не слепило глаза, но наполняло все вокруг ощущением незыблемого покоя, того самого покоя, который Кайрон ненавидел всей своей сущностью, ибо покой был для него синонимом смерти, застоя, конца. Его листья были не зелеными, не золотыми, не серебряными, а прозрачными, словно капли чистой росы, застывшие в момент падения, и в каждом из этих листьев, если присмотреться, можно было увидеть отражение всего мироздания, от мельчайшей песчинки до величайших галактик. В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат, который невозможно было сравнить ни с одним из известных запахов, и этот аромат, проникая в легкие Кайрона, не вызывал у него ничего, кроме глухого раздражения, ибо это был запах порядка, запах гармонии, запах всего того, что он ненавидел и пришел уничтожить.

И тогда он увидел её, и это видение заставило его остановиться во второй раз, хотя он был абсолютно уверен, что ничто в этом мире не способно заставить его замереть на месте.

Она стояла между ним и Древом, не в боевой стойке, не с огненным мечом наголо, не окруженная защитными заклинаниями, как можно было бы ожидать от стража такого сокровища. Она просто стояла, расправив свои белоснежные крылья, которые, казалось, были сотканы из самого света, но не того резкого, слепящего света, который исходил от воинов Рая, а мягкого, лунного, успокаивающего света, который скорее обволакивал, чем ослеплял, словно невидимая стена, отделяющая его от цели, но не стена из камня или стали, а стена из чего-то более тонкого, более эфемерного, но от этого не менее непреодолимого. Ангел, но не из тех, что сражались сейчас на полях битв, не из тех, кто носил тяжелую броню и разил врагов огненными мечами. В ней не было тяжелой брони серафимов-воинов, не было грозной красоты архангелов, чей вид внушал трепет и страх даже самым отважным. Её одеяние было простым, струящимся, сотканным, казалось, из лунного света, и оно ниспадало с её плеч мягкими волнами, подчеркивая хрупкость и изящество её фигуры. Длинные волосы цвета расплавленного серебра ниспадали на плечи и спину, сливаясь с сиянием крыльев, и казалось, что она сама является частью этого света, его воплощением, его живым олицетворением. Лицо её было прекрасно той совершенной, бесстрастной красотой, которая была свойственна всем небесным созданиям, но в этой красоте было нечто такое, что отличало её от других, нечто глубоко личное, индивидуальное, что делало её не просто еще одним ангелом, а существом, обладающим

собственной волей и собственным пониманием. Эта красота, безупречная в своей гармонии, вызывала у Кайрона лишь одно желание — желание её исказить, разрушить, обратить в прах, ибо все прекрасное было для него оскорблением, напоминанием о том, чего он лишен. Глаза, глубокие и синие, как бездонное небо в самый ясный летний день, смотрели на него без тени страха, без тени ненависти, без тени даже простого недовольства. В них была лишь безграничная, всепрощающая печаль, та самая печаль, которая знает все наперед и все равно не может не скорбеть о неизбежном.

Хранительница. Последний страж Эдема. Та, кто осталась здесь, когда все остальные ушли на битву, та, кто предпочла верность долгу славе победителя. И теперь она стояла перед ним, одинокая и беззащитная, но в её одиночестве и беззащитности было столько силы, что Кайрон на мгновение почувствовал нечто похожее на сомнение.

Кайрон медленно, смакуя момент, с тем самым наслаждением, с каким гурман предвкушает изысканное блюдо, обнажил свой клинок, тот самый клинок, который был выкован из осколка проклятой звезды, той самой звезды, которая была уничтожена в наказание за свою гордыню, и который теперь жаждал испытать света этого ангела, поглотить его сияние и обратить его во тьму. Черное лезвие хищно зашипело, впитав в себя окружающий свет, и на мгновение вокруг стало темнее, словно само солнце на миг скрылось за тучей. Он сделал шаг вперед, и этот шаг был тяжелым, уверенным, шагом победителя, который знает, что его жертва никуда не денется. За ним оставался черный, выжженный след на некогда живой земле, словно сама земля отшатывалась от его прикосновения, не в силах вынести той тьмы, которую он нес в себе.

— Прочь с дороги, — произнес он, и его голос был низким, похожим на скрежет камня о камень, на тот самый звук, который издает скала, раскалываясь под ударами гигантского молота. Он даже не ожидал, что она подчинится, ибо знал, что ангелы не отступают перед лицом опасности, что их верность долгу сильнее страха смерти. Это был ритуал, прелюдия к убийству, те самые слова, которые он произносил перед каждой своей жертвой, наслаждаясь их беспомощностью и отчаянием.

Она не шевельнулась, не сделала ни малейшего движения, которое могло бы быть истолковано как попытка к бегству или сопротивлению. Её губы, те самые губы, которые, казалось, были созданы для того, чтобы произносить слова утешения и надежды, дрогнули, и это движение было едва уловимым, но Кайрон, с его обостренным до предела восприятием, заметил его.

— Ты не должен этого делать, — произнесла она, и её голос был чистым, как звон хрустального колокольчика, как журчание горного ручья, как шелест весеннего ветра в кронах деревьев, и от этого голоса, от его чистоты и спокойствия, по спине Кайрона пробежала волна странного, неприятного озноба, того самого озноба, который возникает, когда сталкиваешься с чем-то непонятным, с чем-то, что не укладывается в привычные рамки. Это было оскорбительно, невероятно оскорбительно для него, для демона, который привык внушать страх и ужас одним своим видом. Как смеет это существо, сама суть слабости и подчинения, говорить с ним таким тоном? Не умоляя, не грозя, не проклиная, а словно увещевая заблудшее дитя, которое не ведает, что творит.

— Должен? — переспросил он, и в его голосе прозвучала усмешка, та самая усмешка, которая была полна презрения и превосходства. — Я демон. Мое "должен" — это "хочу". А я хочу видеть, как эта падаль, — он небрежно кивнул в сторону Древа, словно речь шла о каком-

то сорняке, а не о величайшей святыне мироздания, — обратится в пепел. И ты не встанешь у меня на пути, жалкое создание, ибо твоя жизнь — ничто по сравнению с моей целью.

Он снова двинулся вперед, но на этот раз быстрее, сокращая дистанцию между ними с той скоростью, которая была свойственна лишь самым быстрым из демонов, и его движение было подобно броску хищника, который настигает свою добычу, не оставляя ей ни единого шанса на спасение. Серафина не отступила, не сделала попытки уклониться или призвать на помощь. Вместо этого она сделала шаг навстречу, всего лишь один шаг, но этот шаг был полон такого значения, что Кайрон на мгновение сбился с ритма. Её крылья чуть расправились шире, словно она хотела обнять собой и Древо, и его — своего убийцу, словно она пыталась защитить не только святыню, но и того, кто пришел её уничтожить.

— Разрушение не принесет тебе покоя, — сказала она, и её голос, по-прежнему спокойный и мелодичный, проникал в самые глубины его сознания, затрагивая те струны, о существовании которых он даже не подозревал. — Ты пришел в дом мира с мечом. Но меч ли тебе нужен? Может быть, ты ищешь что-то другое? То, что не может дать ни война, ни разрушение, ни смерть?

— Мне нужна твоя смерть, — прорычал Кайрон, и его голос, который всегда был таким уверенным и твердым, на этот раз дрогнул, выдавая то смятение, которое он испытывал, хотя и не хотел этого признавать. — И смерть всего, что ты охраняешь. Я не ищу ничего другого, ибо в разрушении — мое предназначение, в смерти — мой смысл, в хаосе — моя сущность.

Он не собирался больше слушать, не собирался позволять этим словам, этим странным, непонятным словам, которые действовали на него хуже любых проклятий, проникать в его сознание и сеять там сомнение. Эти слова, проникая под броню, которую он носил не только на теле, но и в душе, вызвали необъяснимое смятение, то самое смятение, которое он не испытывал никогда прежде и которое было для него страшнее любой физической боли. Он ненавидел это чувство, ненавидел всей своей сущностью, ибо оно было чуждо его природе, противоречило всему, чем он был.

С ревом, полным первобытной ярости, с тем самым ревом, который мог обратить в бегство целые армии, он бросился в атаку, вкладывая в этот удар всю свою силу, всю свою злобу, всю свою ненависть, которая копилась в нем веками. Его клинок, черный, как сама Бездна, как та самая первозданная тьма, из которой было сотворено все сущее, рассек воздух, целясь в эту нежную, сияющую шею, в то самое место, где билась её ангельская жизнь, теплая и светлая. Удар был безупречен, как и все, что делал Кайрон: быстрый, точный, смертоносный, рассчитанный до мельчайших деталей, и он уже предвкушал тот момент, когда свет в этих синих глазах погаснет навсегда, когда её тело упадет на землю, обращаясь в прах, и когда он, перешагнув через него, подойдет к Древу и нанесет свой сокрушительный удар.

Но свет не погас.

Лезвие остановилось, и остановилось оно не потому, что встретило какое-то физическое сопротивление, не потому, что наткнулось на щит или доспех, не потому, что было отбито встречным ударом. Оно просто замерло в миллиметре от её кожи, замерло так, словно сам воздух, сама ткань реальности сгустилась и стала непреодолимой преградой, той самой преградой, которую невозможно ни пробить, ни обойти, ни разрушить. Кайрон вложил в удар всю свою силу, всю свою злобу, всю свою волю, и его мышцы вздулись от напряжения, суставы

заскрипели, а копыта глубоко ушли в землю, оставляя в ней глубокие борозды. Бесполезно. Все было бесполезно. Клинок вибрировал, дрожал, словно упирался в невидимую стену из чистой, незыблемой воли, но это была не воля, не магия, не какая-то защитная сила, которую можно было бы преодолеть. Это было что-то иное, что-то такое, чему он не мог найти названия.

Серафина не шелохнулась, не отступила, не попыталась воспользоваться его замешательством. Она даже не моргнула, и её взгляд, по-прежнему устремленный на него, был спокоен и ясен, как небо в безветренный день. Но теперь в этом взгляде сквозило нечто новое, нечто такое, чего Кайрон не видел раньше и что не мог понять. Не страх, не торжество, не презрение. Сострадание. Она смотрела на него так, словно видела не грозного демона, не безжалостного убийцу, не воплощение тьмы, а глубоко заблудшее, страдающее существо, которое нуждается не в наказании, а в понимании.

Оружие демона бессильно.

Эта мысль, простая и очевидная, пронзила сознание Кайрона, словно удар копья, пробивший все его защитные барьеры и достигший самого центра его существа. Такого не могло быть, просто не могло, ибо это противоречило всем законам мироздания, которые были ему известны, всем тем законам, на которых строилась его вера в неизбежность победы тьмы над светом. Демоны могли быть уничтожены, изгнаны, связаны, заключены в темницы, из которых нет выхода. Но их оружие, выкованное из ненависти, закаленное в пламени преисподней, оружие, которое несло в себе саму сущность разрушения, всегда, всегда находило путь к плоти, ибо не было такой защиты, которую нельзя было бы пробить. Свет был уязвим, свет всегда отступал перед тьмой, ибо тьма была старше, сильнее, беспощаднее. Это была аксиома, та самая аксиома, на которой строилась вся его вера, весь его мир, вся его сущность. И сейчас эта аксиома рушилась на его глазах, рассыпалась в прах, обращалась в ничто.

— Что за колдовство? — выдохнул он, отступая на шаг, и его рука, сжимавшая клинок, дрожала, дрожала так, как не дрожала никогда прежде, и он не мог понять, что было причиной этой дрожи — то ли перенапряжение от невероятного усилия, которое он только что приложил, то ли шок, который охватил все его существо. Он смотрел на свое оружие, на свою верную сталь, которая служила ему на протяжении стольких веков, и не узнавал её, ибо в ней не было больше той силы, той жажды разрушения, которая всегда наполняла её. Лезвие, которое испило свет тысячи звезд, которое уничтожило бесчисленное множество ангелов, сейчас казалось тусклой, безжизненной полосой железа, не способной ни на что.

— Здесь нет колдовства, — тихо ответила она, и её голос, по-прежнему спокойный и мягкий, звучал так, словно она объясняла простую истину несмышленому ребенку. — Есть лишь суть. То, что было до начала времен и останется после конца.

— Ложь! — прохрипел Кайрон, и ярость, та самая ярость, которая всегда была его щитом и мечом, закипала в нем с новой силой, затмевая разум и заставляя забыть об осторожности. Если не вышло с одного удара, значит, выйдет с другого, с третьего, с десятого, и он будет бить до тех пор, пока не пробьет эту невидимую стену, пока не достигнет своей цели. Он замахнулся снова, целясь в основание крыла, в то самое место, где, как он знал, ангелы были особенно уязвимы. Клинок снова замер, остановленный неведомой силой, которая казалась абсолютно неподвижной и в то же время совершенно непреодолимой. Удар в бок, по ноге, в голову — снова и снова, с той скоростью и яростью, на которую только был способен демон его уровня, и каждый удар был смертелен, каждый был вложен всей мощью его демонической природы, всей

его ненавистью, всем его желанием уничтожить. Но результат был один: его клинок бессильно замирал в воздухе, не оставляя на ангеле ни царапины, ни ссадины, ни даже малейшего следа. Это было похоже на битву с тенью, с собственным отражением, с чем-то таким, что существовало в иной плоскости бытия и было недостижимо для его оружия. Словно само мироздание, сама ткань реальности отказывалась признавать его право на это убийство, словно весь мир восстал против него, защищая эту хрупкую фигуру.

В отчаянии, в том самом отчаянии, которое он никогда не испытывал прежде и которое было для него унижительнее любого поражения, он вложил всю свою энергию, всю свою жизненную силу в один, последний, чудовищный по силе выпад, целясь прямо в сердце, в то самое место, где, как он верил, находился источник её света. На этот раз клинок не остановился в миллиметре, как прежде. Он уперся в невидимую преграду и заскрежетал, словно пытаясь прорезать саму ткань реальности, словно он был ножом, а реальность — куском неподатливой материи. От точки соприкосновения во все стороны полетели искры — черные, как уголь, и золотые, как солнце, и эти искры, разлетаясь в разные стороны, оставляли за собой светящиеся следы, которые медленно гасли в воздухе. Воздух вокруг них заколебался, словно над раскаленной пустыней, искажая очертания предметов и создавая иллюзию того, что весь мир сейчас расплавится и обратится в ничто.

И тут он почувствовал это, то самое чувство, которое изменило все.

Не сопротивление, не боль, не отдачу. Нечто иное, нечто такое, чего он никогда не испытывал и что не мог классифицировать в рамках своего опыта. Тепло, но не то обжигающее пламя, которое он знал так хорошо, не тот адский жар, который был его родной стихией. Мягкое, всепроникающее тепло, которое исходило от Серафины, от Древа, от самой земли под ногами, тепло, которое не причиняло боли, но проникало в самые глубины его существа, согревая то, что, как он думал, было мертво навсегда. Это тепло струилось по его клинку, поднималось по руке, проникало сквозь броню, сквозь кожу, сквозь кости, достигая самого центра его демонической сущности, и там, в этом центре, оно начинало делать нечто невообразимое. Оно не причиняло боли, не жгло, не мучило. Оно было... успокаивающим, и это было самым страшным, самым невыносимым, самым ужасающим из всего, что он когда-либо испытывал.

Он попытался отдернуть руку, разорвать этот контакт, отступить, убежать, но не смог, ибо мышцы его свело судорогой, той самой судорогой, которая парализует тело и делает его беспомощным перед лицом опасности. Тепло все усиливалось, заполняя его изнутри, и вместе с этим теплом приходили образы, чуждые, незнакомые, не его собственные, образы того мира, который он пришел разрушить. Он видел рождение звезд, тех самых звезд, которые были сотворены, чтобы освещать путь заблудшим душам. Он слышал первый смех невинного существа, того самого существа, которое только что появилось на свет и ещё не знало ни боли, ни страдания, ни зла. Он ощущал тихий шепот леса, того самого леса, который был полон жизни и гармонии. Он чувствовал материнскую нежность, ту самую нежность, которая не знает границ и не требует ничего взамен. Это было невыносимо, абсолютно невыносимо, ибо все это противоречило всему, чем он был, всему, во что он верил, всему, что составляло его сущность. Это выворачивало его душу наизнанку, обнажая под слоями ненависти и злобы нечто, о существовании чего он даже не подозревал, нечто такое, что было похоронено так глубоко, что он сам забыл о его существовании.

— Прекрати! — заорал он, но голос его сорвался, превратившись в хриплый, звериный вой, в тот самый вой, который издает раненый зверь, загнанный в угол. — Прекрати это немедленно!

Серафина медленно, очень медленно, словно каждое движение давалось ей с трудом, подняла руку, и её пальцы, тонкие, хрупкие, почти прозрачные на вид, потянулись к нему. Она коснулась тыльной стороны его ладони, той самой ладони, что сжимала рукоять смертоносного клинка, и её прикосновение было легким, как перышко, невесомым, едва ощутимым, но в то же время оно несло в себе такую силу, что Кайрон почувствовал, как его собственная воля рассыпается в прах.

И лезвие раскололось.

Черный металл, тот самый металл, который был выкован в горниле проклятой звезды, закален в пламени преисподней и напитан ненавистью тысяч поколений демонов, рассыпался на тысячи осколков, которые, прежде чем упасть на землю, обратились в пепел, в тот самый серый, безжизненный пепел, который не оставляет после себя ничего. Кайрон отшатнулся, глядя на пустую рукоять с тем самым ужасом и неверием, которые охватывают человека, столкнувшегося с невозможным. Его меч, продолжение его воли, символ его силы, орудие его разрушения, обратился в ничто, рассыпался в прах, исчез, словно его никогда и не было. Он был обезоружен, и обезоружен не силой, не магией, не каким-то хитроумным трюком, а чем-то таким, чему он не мог найти названия, чем-то, что было выше его понимания.

Он поднял взгляд на Серафину, и в этом взгляде было столько противоречивых чувств, что он сам не мог в них разобраться. Она стояла все так же неподвижно, все с тем же выражением скорбного сострадания на лице, и вокруг неё, словно в насмешку над царившим вокруг хаосом, над грохотом битвы и криками умирающих, витали крошечные золотистые искры — остатки его клинка, превращенные в свет, в тот самый свет, который он всегда ненавидел и который теперь окружал его, обволакивал, проникал в него.

— Кто ты? — прошептал он, и его голос, который всегда был таким уверенным, таким властным, таким полным силы, теперь дрожал, как голос испуганного ребенка, и он ненавидел себя за эту слабость, за эту дрожь, за это унижение, но ничего не мог с собой поделать. Он смотрел в эти бездонные синие глаза, в которых отражалась вся бесконечность мироздания, и не мог отвести взгляд. Впервые за все время своего существования он почувствовал нечто похожее на благоговейный ужас, на то самое чувство, которое испытывает смертный, оказавшись перед лицом божества. Перед ним было не просто существо из плоти и света, не просто ангел, каких он видел тысячи. Перед ним была сама природа творения, та сила, которая стояла у истоков всего сущего, та сила, которая была старше и могущественнее любого демона, любого архангела, любого из тех, кто сейчас сражался на полях битв.

— Я Серафина, — ответила она, и её голос был все так же спокоен, все так же мягок, все так же полон той самой силы, которая не нуждается в повышении тона. — Хранительница этого сада. Та, что была поставлена здесь в начале времен и останется до их конца.

— Почему? — его вопрос прозвучал так, будто это она была причиной его бед, а не он пришел сюда с мечом, будто это она виновата в том, что его мир рухнул, а не он сам, со своими амбициями и ненавистью, привел себя к этому краху. Он ненавидел себя за слабость, прозвучавшую в этом вопросе, за то, что вместо того, чтобы действовать, он стоял и спрашивал,

как какой-то беспомощный смертный, ищущий ответы на вопросы, на которые не существует ответов.

— Потому что убийство не может быть началом, — ответила она, и её слова, простые и ясные, проникали в самую глубину его сознания, заставляя его сомневаться во всем, что он знал. — Оно может быть только концом. Конец — это то, что ты несешь в себе, то, что ты принес сюда. Но ты не конец, Кайрон. Ты — путь, начало пути, который приведет тебя туда, куда ты сам пока не знаешь.

Земля под ногами содрогнулась, и это содрогание было настолько мощным, что Кайрон едва устоял на ногах. Где-то вдалеке, за стенами Сада, прогремел особенно мощный взрыв, сопровождаемый торжествующим ревом демонов, тем самым ревом, который возвещал о победе, о взятии очередной твердыни. Победа была близка, и легионы Ада уже праздновали её, но для Кайрона эта победа была пуста, бессмысленна, лишена всякого значения. Вся его амбициозность, вся его ярость, весь смысл его вторжения рассыпались в прах вместе с его клинком, обратившись в тот самый пепел, который устилал теперь землю у его ног. Он стоял посреди умирающего Эдема, в сердце самой главной битвы мироздания, и чувствовал себя побежденным, но побежденным не врагом, не светом, не какой-то превосходящей силой, а собственной неспособностью понять то, с чем он столкнулся, собственной ограниченностью, которая не позволяла ему постичь природу того, что только что произошло. Он, чье имя на языке Ада означало «Несущий тьму», был обезоружен одной лишь любовью, той самой силой, которую он всегда презирал и считал слабостью. И это жгло его сильнее любого адского пламени, мучило больше, чем любая пытка, унижало глубже, чем любое поражение.

Он не знал, сколько времени прошло с того момента, как его клинок рассыпался в прах. Секунды? Минуты? Вечность? Время в этом месте текло иначе, подчиняясь каким-то своим, непостижимым законам. Он просто стоял, сжимая в руке ненужную рукоять, которая теперь была не более чем куском бесполезного металла, и смотрел, как ангел-хранительница поворачивается спиной к своему врагу, к тому, кто только что пытался её убить, и подходит к Древу. Она возложила ладони на его ствол, и от её прикосновения сияние Древа усилилось, стало ярче, теплее, и по опаловой коре пробежала волна света, словно Древо отвечало ей, словно оно узнавало свою хранительницу и благодарило её за верность.

Она защитила его, это хрупкое создание, которое, казалось, можно было сломать одним дуновением ветра. Она победила его, не применив ни силы, ни оружия, ни магии. И сейчас, когда по всему Раю гремела победная поступь его легиона, когда демоны крушили последние оплоты сопротивления, этот ангел, эта хранительница, спокойно залечивала раны Древа, которое он пришел уничтожить, словно ничего не произошло, словно вторжение было лишь мелкой неприятностью, недостойной её внимания. Она оставила его в живых, и этот факт был для Кайрона самым непостижимым. Почему? Зачем? Какой в этом был смысл? Ответа не было, и это отсутствие ответа мучило его сильнее, чем любая пытка, которую могли бы придумать палачи преисподней. Было только это невыносимое чувство полного и абсолютного ничтожества, чувство того, что он, великий воин, несокрушимый демон, оказался ниже этой хрупкой хранительницы, оказался недостоин даже её ненависти.

Взгляд его упал на пепел, оставшийся от его верного оружия, на тот самый пепел, который теперь устилал землю вокруг него, и он увидел то, что заставило его сердце сжаться от непонятого ему самому чувства. Обычный, серый, холодный пепел, который ничем не отличался от пепла тысяч других сожженных вещей. Пепел его амбиций, пепел его надежд, пепел Эдема.

Но в этом пепле, в самом его сердце, в той точке, где, казалось, не могло быть ничего, кроме пустоты и забвения, он вдруг разглядел крошечную, едва заметную золотую точку, искру, которая не погасла, которая продолжала тлеть, несмотря ни на что. Искру того самого света, что уничтожил его клинок, искру, которая каким-то непостижимым образом сохранилась среди этого моря серости и безжизненности.

Она не погасла, эта искра, и это было чудом, противоречащим всем законам, которые он знал. Она тлела, пульсируя в такт его собственному сердцу, словно между ними была какая-то невидимая связь, словно эта искра была частью его самого, той частью, о существовании которой он не подозревал. Впервые в своей вечной жизни демон Кайрон почувствовал нечто, кроме ненависти, нечто такое, чему он не мог дать названия, ибо в его языке, в языке Ада, просто не существовало слова для обозначения этого чувства. Это был не страх, не злость, не отчаяние, не тоска. Это было... сомнение. И, возможно, впервые за все его существование, надежда, та самая надежда, которую он всегда считал уделом слабых и глупых.

Он понял, что эта искра останется с ним, что она не погаснет, сколько бы он ни пытался её затушить, что она будет тлеть в его сердце, напоминая о том, что произошло здесь, в этом умирающем саду. И она либо сожжет его изнутри, обратив в пепел все, что он есть, либо станет началом чего-то нового, чего-то такого, о чем он не мог даже помыслить. Но прежним он уже не будет никогда, ибо то, что он пережил здесь, изменило его навсегда, наложило на него печать, которую невозможно стереть. Война, в которой он одерживал победу, та самая война, которая должна была стать его триумфом, только что закончилась для него личным, сокрушительным поражением, и это поражение было тем более болезненным, что оно было нанесено не силой, а милосердием, не оружием, а любовью.

И он, воин Легиона, захватчик Рая, стоял и смотрел, как ангел, не пролив ни капли крови, заковал его в самые крепкие цепи из всех возможных — цепи, выкованные из милосердия и света. И впервые ему показалось, что эти цепи могут оказаться сильнее, чем вся его ненависть, сильнее, чем вся его ярость, сильнее, чем сама тьма, которая породила его. Впервые он почувствовал, что его мир, тот самый мир, который он строил на протяжении всей своей жизни, рухнул, и что на его руинах может вырасти нечто новое, нечто такое, о чем он даже не смел мечтать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.